

РАЗВИТИЕ МОДАЛЬНОГО ГЛАГОЛА *MÖGEN* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

На материале готского, древне-, средне- и ранненововерхненемецкого языков рассматривается процесс развития модального глагола *tögen*, вычисляется текстовая частотность данного глагола, проводится анализ контекстов, способствующих развитию новых значений, определяются механизмы семантических изменений, происходящих в процессе развития претерито-презентного глагола в модальный.

Ключевые слова: модальный глагол, текстовая частотность, контекстное переосмысление, «связывающий» контекст, контекст «переключения».

Глагол *tögen* в современном немецком языке является одним из модальных глаголов, употребляющихся для выражения желания, в редких случаях – возможности.

Для того чтобы проследить процесс развития данного глагола, были вычислены процентные соотношения значений, выражаемых глаголом *tögen*, в готском, древне-, средне- и ранненововерхненемецком языках. Для этого использовалось выборочное наблюдение, при котором исследуется не вся генеральная совокупность (весь объем текстов анализируемых периодов), а определенная часть, называемая выборкой, так как исследования выборки позволяют сделать заключения относительно всей генеральной совокупности [1, с. 12, 23]. Вычисление процентных соотношений значений глагола *tögen* производилось на материале 17 текстов на выборках объемом в 100 текстовых реализаций глагола, сформированных методом сплошного отбора.

При анализе семантических изменений, происходящих в процессе развития претерито-презентного глагола в модальный, необходимо учитывать его текстовую частотность, так как, по мнению лингвистов, именно увеличение частотности способствует возникновению новых значений [2, с. 604]. Д. Байби считает необходимым различать частотность двух типов – частоту встречаемости языковой единицы в тексте (token frequency) и количество лексических единиц, с которыми сочетается определенная грамматическая модель (type frequency) [2, с. 604–605].

Чтобы проследить изменение текстовой частотности глагола *tögen*, была вычислена абсолютная и относительная текстовая частотность. Абсолютная частотность представляет собой количество реализаций глагола в анализируемом тексте, относительная частотность есть отношение абсолютной частотности к числу единиц в обследованном массиве [1, с. 10]. Для удобства проведения сравнительного анализа текстовой частотности относительная частотность была вычислена на 1000 лексических единиц.

В готском языке глагол **magan* является одним из самых высокочастотных претерито-презентных

глаголов, выступающих в модальной функции. Его относительная текстовая частотность составляет 1,55.

Анализ материала показал, что **magan* в готском языке выражал различные оттенки возможности. Он мог обозначать возможность, вытекающую из физических или умственных способностей субъекта. В этом значении он употребляется в 80 из 100 примеров, что составляет 80 %. Например: ...*mag gub us stainam þaim urreisjan barna Abrahama. – Luk. III, 8 – ‘...бог может из камней разбудить детей Абрахама.’; ...graban ni mag, bidjan skama mik. – Luk. XVI, 3 – ‘...копать не могу, просить стыжусь.’; ...ni mahtedun gafahan is waurde... – Luk. XX, 26 – ‘...они не могли поймать его на слове...’.*

В 15 случаях (15 %) **magan* обозначает возможность, обусловленную внешними обстоятельствами: ...*ni mahtedun andqiban imma faura managein. – Luk. VIII, 19 – ‘...они не могли заговорить с ним из-за большого скопления народа.’; qen liugaida jah duþe ni mag qiman. – Luk. XIV, 20 – ‘Я женился и потому не могу прийти.’*

В 5 случаях (5 %) данный глагол выражает разрешение либо запрет со стороны другого лица. Ср.: *jah qab: duþe qab izwis þatei ni ainshun mag qiman at mis, nibai ist atgiban imma fram attin meinamma. – Jhn. VI, 65 – ‘И сказал: для того и говорил я вам, что никто не может прийти ко мне, если это не дано будет ему от отца моего.’*

Во всех приведенных примерах глагол **magan* употребляется с инфинитивом второго глагола. В восьми случаях в текстах готской библии данный глагол встречается без инфинитива, который, однако, может быть легко восстановлен. Ср., например: *jah qab siponjam þeinaim ei usdreibeina ina, jah ni mahtedun. – Mrk. 9, 18 – ‘И говорил я ученикам твоим, чтобы они изгнали его, и они не могли (изгнать).’*

Кроме претерито-презентного глагола **magan* различные оттенки возможности в готском языке выражали глаголы **binauhan, lais, gadaursan*. Отсутствие регулярности в употреблении указанных лексем объясняется тем, что отдельные модальные

значения еще не закрепились за определенными лексическими единицами. Следовательно, глагол **magan* не имел в готском языке статуса модального глагола, так как не соответствовал семантическим, морфологическим и синтаксическим критериям выделения модальных глаголов (о критериях см.: [3, с. 48–52]). С другой стороны, вариативность средств выражения значения «возможности», свидетельствует о том, что класс претерито-презентных глаголов относился к слабым звеньям системы готского языка, так как «вариативность... принадлежит к явлениям переходного периода...» [4, с. 39].

Анализ письменных памятников древневерхне-немецкого периода показал, что глагол *magan/mugan* в древневерхне-немецком языке, как и в готском, является одним из наиболее частотных глаголов. Его относительная текстовая частотность равна 4,42. В древневерхне-немецком языке данный глагол мог употребляться как полнозначный. В исследованном материале в одном случае он встречается в качестве самостоятельного глагола и выражает значение «годиться»: *...ír birut salz erda. Oba thaz salz áritalet, in hiu selzit man iz thanne? Zi ni-ouihthu mag iz úzuuerphe, inti si fúrtretan fon man-nin. – Т. 24, 1–3 – ‘...вы – соль земли. Если же соль теряет силу (соленость), то чем посолить ее? Ни для чего уже больше негодна, как только для того, чтобы быть выброшенной и растоптанной людьми.’*

В остальных случаях *magan/mugan* употреблялся в функции модального глагола и выражал различные оттенки возможности. В 46 % случаев данный глагол выражал возможность, обусловленную внутренними качествами субъекта, в том числе:

– физическую возможность: *Senu tho uuib thiú ... uias nidargineigit... ni mohta úfscouuon. – Т. 103, 1 – ‘Там женщина, которая... была скорчена... не могла поднять взор.’; joh wer thir dáti thia máht, thaz thú so scono séhan maht! – О. III, 20, 44 – ‘И кто дал тебе эту силу, что ты так хорошо можешь видеть!’; So wer so dáges gengit, giwisso er ni firspirnit, want ér sih mit then óugon fórna mag biscówon. – О. III, 23, 35–36 – ‘Кто ходит днем, конечно не споткнется, потому что он может глазами смотреть вперед’;*

– возможность, обусловленную наличием у субъекта определенной способности, умения: *thú ni maht ein hár thes fahses uuizaz gituon odo suarz. – Т. 30, 4 – ‘Ты не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.’; sélbo maht thu iz lésan thar... – О. II, 3, 4 – ‘Ты сам это можешь прочитать...’;*

– возможность, обусловленную наличием у действующего лица нравственной, моральной силы: *Ther mugí bifahan, bifahe. – Т. 100, 6 – ‘Кто может вместить – вмести (пойми).’*

Как показал анализ примеров, в абсолютном большинстве случаев глагол *magan/mugan* употреблялся с одушевленным субъектом. Однако в некоторых случаях анализируемый глагол встречается в предложениях с неодушевленным субъектом. Ср.: *ni mag giséhan ira muat, thaz imo fiant giduat. – О. III, 1, 38 – ‘Ее душа не могла смотреть на то, что причиняет ему враг.’*

Употребление глагола *magan/mugan* с неодушевленным субъектом можно рассматривать как расширение круга контекстов, в которых может употребляться данный глагол.

Под контекстом в данном исследовании понимается «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [5, с. 238].

Контекст играет важную роль в развитии новых значений лексических единиц. Так, по мнению Б. Хайне, контекстное переосмысление (context-induced reinterpretation) представляет собой один из механизмов процесса грамматикализации. Контекстное переосмысление заключается в том, что в определенном контексте второстепенное значение лексической единицы выходит на первый план и развивается в новое ядерное значение [6, с. 65]. Так как грамматикализация является одним из видов семантических изменений и многие исследователи признают, что особые механизмы семантических изменений, характерные только для процесса грамматикализации, отсутствуют [7, с. 400–401; 8, с. 19], то представляется возможным использовать теорию контекстного переосмысления, разработанную Б. Хайне, при анализе семантических изменений, происходящих в процессе развития претерито-презентных глаголов в модальные.

Теория Б. Хайне заключается в том, что контекстное переосмысление происходит поэтапно. На первом этапе лексема используется в своем исходном значении в самом широком круге контекстов. Второй этап представляет собой использование лексем в специфичном контексте, который Б. Хайне называет «связывающим» (bridging context). В данном контексте возможна интерпретация лексической единицы как в ее основном, так и в новом, нетипичном значении. На третьем этапе, в так называемом контексте переключения (switch context), лексема выступает только в новом значении, т. е. новое значение становится полностью самостоятельным [9].

Таким образом, употребление глагола *magan/mugan* с неодушевленным субъектом представляет собой расширение круга контекстов и является первым этапом в процессе семантического развития данной лексем. В подобных примерах проис-

ходит метафорический перенос на неодушевленный субъект способностей, присущих живым существам. Метафорический перенос является, по мнению многих лингвистов, одним из основных механизмов семантического изменения [6, 7, 10]. По словам Н. Д. Арутюновой, «метафора знаменует собой лишь начало мыслительного процесса... она орудие... дав толчок семантическому процессу, метафора постепенно стирается...» [11, с. 15].

Глаголом *magan/mugan* в древневерхненемецком периоде могла быть выражена возможность, обусловленная внешними обстоятельствами. В результате анализа было выявлено 23 случая (23 %) употребления глагола *magan/mugan* в данном значении. Ср.: *Her thó uzganganti bigonda predigon inti maren thaz uuort, só thaz her ni mohta giu ougazorhto gan in thie burg...* – Т. 46, 5 – ‘Он (прокаженный), выйдя, начал проповедовать и рассказывать о происшедшем, так что он (Иисус) не мог уже явно войти в город...’; *ih nemáhta sia bechénnen uíanda mir daz óuga tímbereta fóllez tráno.* – N. B. I, 14, 12–13) – ‘Я не мог ее узнать, потому что мои глаза дрожали полные слез.’

Глагол *magan/mugan* в 20 % случаев употреблялся для обозначения таких оттенков возможности, как «сметь, иметь право»: *uuer mág furlazan sunta noba ein got?* – Т. 54, 5 – ‘Кто может (имеет право) прощать грехи, кроме бога?’

Так как в данном значении глагол часто употреблялся в отрицательных оборотах, то предложение приобретало характер запрета. Ср.: *tíe habetôn día selbún éa. áne daz sie nieht nemahtôn ferre suffragia.* – N. B. III, 163, 6 – ‘Те имели тот же закон, без которого они не могли более голосовать (не имели права)...’; *inti thie thar ni inphahit sin cruci inti folget mir... noh ni mag uiesan mín iungiro.* – Т. 44, 24 – ‘И тот, кто не несет креста своего и следует за мной... не может (не имеет права) быть моим учеником.’

В 10 случаях употребления (10 %) глагол *magan/mugan* выражал сомнение: *fón Nazareth mág síhuuaz guotes uiesan?* – Т. 17, 3 – ‘Может ли (разве может) быть что-то доброе из Назарета?’; *uuiuo mag thaz sîn? uianta ih gottmannes uifs ni bim.* – Т. 3, 6 – ‘Как же это может быть? если я мужа не знаю.’; *mag ío thaz wesan wár?* – O. VII, 46 – ‘Может ли это быть правдой?’

Сопоставительный анализ текстовой частотности готского глагола **magan* и древневерхненемецкого глагола *magan/mugan* позволяет заключить, что данный глагол является как в готском, так и в древневерхненемецком языке одним из наиболее частотных претерито-презентных глаголов, выступающих в модальной функции. В древневерхненемецком языке относительная текстовая частотность данного глагола по сравнению с готским

языком значительно увеличивается – от 1,55 до 4,42.

Значения готского глагола **magan* и древневерхненемецкого глагола *magan/mugan* и их процентные соотношения в сопоставлении представлены в табл. 1.

Таблица 1

Готский язык	Древневерхненемецкий язык
<i>*magan</i>	<i>magan/mugan</i>
Текстовая частотность – 1,55	Текстовая частотность – 4,42
–	«годиться» (1 %)
Возможность, обусловленная внутренними свойствами субъекта (80 %)	Возможность, обусловленная внутренними свойствами субъекта (46 %)
Возможность, обусловленная внешними обстоятельствами (15 %)	Возможность, обусловленная внешними обстоятельствами (23 %)
Разрешение/запрет со стороны другого лица (5 %)	Разрешение/запрет со стороны другого лица (20 %)
	Сомнение (10 %)

Сопоставительный анализ семантики готского глагола **magan* и древневерхненемецкого глагола *magan/mugan* показал, что в древневерхненемецком языке, как и в готском, основным значением анализируемого глагола остается значение возможности, обусловленной внутренними качествами субъекта. Однако частота употребления *magan/mugan* в данном значении сокращается и увеличивается частота его употребления в значении разрешения / запрета и в более абстрактном значении возможности, обусловленной внешними обстоятельствами. Кроме того, глагол *magan/mugan* в древневерхненемецком языке может выражать сомнение, т. е. значение, несвойственное готскому глаголу **magan*.

Таким образом, в древневерхненемецком языке в семантике глагола *magan/mugan* происходит сдвиг в сторону выражения более абстрактных оттенков значения возможности.

Функционирование древневерхненемецкого глагола *magan/mugan* в качестве как модального, так и самостоятельного глагола со значением «годиться» свидетельствует о том, что в древневерхненемецком языке анализируемый глагол нельзя считать модальным (подр. см.: [12, с. 39]), так как он не соответствует критериям выделения модальных глаголов.

Глагол *tugen* в средневерхненемецкий период по-прежнему является одним из наиболее частотных претерито-презентных глаголов, выражающих модальные значения. Его относительная текстовая частотность составляет 4,75.

Проведенный анализ показал, что наиболее часто глагол *tugen* выражал возможность, обусловленную внешними обстоятельствами. В данном значении глагол встречается в 50 % случаев. Например: *só ist mín herre líhte tót, und kumen in só*

gröze nôt vil lîhte von armuot, daz ir mir alsolhez guot z' einem man niht muget geben. – А. Н. 759–764 – ‘Итак, мой господин, возможно, скоро умрет, и нас постигнет несчастье такой бедности, что вы мне не **можете** дать приданое.’; *der mac dennoch wesen geil, wande an im sint beidiu teil, des himels und der helle.* – Prz. I 1, 7–9 – ‘Тот **может** быть весел, у кого есть обе части, небо и ад.’

В значении обусловленной возможности *tugen* употребляется не только с одушевленным, но и с неодушевленным субъектом, например: *Gevienge si der rede haz, ez möchte in umbe ir herren vil harte wol gewerren...* – А. Н. 909–910 – ‘Если бы они противились ее намерению, то это **могло бы** повредить им...’; *ni enmac des leider niht sîn.* – А. Н. 221 – ‘Но этого, к сожалению, **не может** быть (по контексту: невозможно вылечиться, так как никто не захочет пожертвовать своей жизнью)’, а также с неопределенно-личным местоимением *man*: *sît ez alsus umbe iuch stât, daz man iu gehelfen mac, ich ensûme iuch niemer tac.* – А. Н. 930–932 – ‘Если дела обстоят так, что вам **можно** помочь, то я не позволю вам ждать ни дня.’; *...man möhte wol genôzen ir kintlich gemüete.* – А. Н. 464 – ‘...**можно было бы** наслаждаться ее детской душой.’

Употребление глагола *tugen* с неодушевленным субъектом и неопределенно-личным местоимением свидетельствует о дальнейшем расширении круга контекстов анализируемого глагола.

Глагол *tugen* часто употреблялся для выражения возможности, обусловленной способностями, умениями лица или качествами предмета, о котором идет речь. В результате анализа было выявлено 42 случая употребления глагола *tugen* в этом значении, что составляет 42 % от проанализированных текстовых реализаций данного глагола. Ср.: *wer gap im daz suder ougen, deiz si zaller zit mac sehen?* – W. V. 99, 20 – ‘Кто дал ему (сердцу) отдельные глаза, что оно всегда **может** (имеет способность) видеть ее?’; *sweder unser einer am anderen mac gesigen, dem sol ez allez dienen...* – Nib. 114 – ‘Тому из нас, кто другого **может** (сумеет) победить, должны все служить...’; *ez wuochs in Bûrgonden ein vil édel magedîn, daz in allen landen niht schæners möhte sîn.* – Nib. 2, 1–2 – ‘Жила в Бургундии благородная девушка, прекрасней которой не **могло** быть на свете.’

В двух случаях (2 %) глагол *tugen* выражает возможность, обусловленную наличием права. Ср.: *Des tuoz sie gestaten mir, wie mac si ez behüeten?* – W. V. 115, 14 – ‘Она должна позволить мне это, как она **может** это запретить? (она не имеет на это права)’; *Mit valscheloser güete lebt ein man der mir wol iemer mac gebieten swaz er ere wil.* – W. V. 72, 9 – ‘В преданной доброте живет мужчина, ко-

торый всегда **может** (имеет право) потребовать от меня все, чего он хочет.’

В средневерхненемецкий период глагол *tugen* впервые встречается в новом для него значении желания. Как показал анализ материала, в данном значении *tugen* употреблялся в 4 % случаев. Ср.: *möhte ich verslâfen des winters zît...* – W. V. 39, 6 – ‘Я **хотел бы** проспать всю зиму...’; *wir möhten michel gerner sîn in sturme tôt.* – Nib. 2112, 2 – ‘Мы **хотели бы** погибнуть в бою.’; *Ouch erkande ich nie sô wîsen man, er enmöhete gerne künde hân welher stiuere disiu mære gernt.* – Prz. I, 2, 5–7 – ‘Я не знал такого умного человека, который не **хотел бы** знать, какого пожертвования требует этот рассказ.’

Развитию нового значения способствовал контекст, включающий в себя:

1) обязательное употребление глагола *tugen* в форме претерита опатива, что придавало высказыванию оттенок недействительности;

2) субъект в 1-м л.;

3) наречие *gerne*, привносящее оттенок желательности.

Данный контекст, в соответствии с терминологией Б. Хайне, можно назвать связывающим. Видимо, в результате частого употребления в таком языковом контексте сам глагол в форме опатива приобретал значение желательности. Наличие наречия *gerne* и субъекта в 1-м л. в дальнейшем становится необязательным. Ср., например: *Durch der scænen willen gedâht' er noch bestân, ob er si gesehen möhte.* – Nib. 260, 2–3 – ‘Ради красавицы он решил остаться еще, так как он **хотел** ее увидеть.’

Таким образом, в средневерхненемецком языке возникает связывающий контекст, в котором *tugen* употреблялся в значении «хотеть», «желать».

В двух случаях из 100 проанализированных, что составляет 2 %, глагол *tugen* обозначает вероятность. Ср.: *Ez möhten selbe fürsten oder fürsten boten sîn, ir ross diu wæren scæne, ir kleider harte guot.* – Nib. 85, 2–3 – ‘Это, **должно быть**, князя или посланники князей. Их кони так красивы, их одежда очень хороша.’; *Des ântwûrte dem küenege von Metzen Ortwin (rîch ûnde küene möht' ér wol sîn)...* – Nib. 81, 1–2 – ‘Ответил королю Ортвин из Метца (**вероятно**, он был богат и смел)...’

Развитию значения вероятности в подобных примерах способствует употребление глагола *tugen* в форме опатива с инфинитивом глагола *sîn*. В данном случае также возникает связывающий контекст, в котором значение глагола можно трактовать и как значение возможности, и как значение вероятности.

Значения древневерхненемецкого глагола *tagan/migan* и средневерхненемецкого *tugen* и их процентные соотношения в сопоставительном аспекте представлены в табл. 2.

Таблица 2

Древневерхненемецкий язык magan/mugan	Средневерхненемецкий язык mugen
Текстовая частотность – 4,42 «годиться» (1 %)	Текстовая частотность – 4,75 –
Возможность, обусловленная внутренними свойствами субъекта (46 %)	Возможность, обусловленная внутренними свойствами субъекта (42 %)
Возможность, обусловленная внешними обстоятельствами (23 %)	Возможность, обусловленная внешними обстоятельствами (50 %)
Разрешение/ запрет со стороны другого лица (20 %)	Возможность, обусловленная наличием права (2 %)
Сомнение (10 %)	Желание (4 %)
	5. Вероятность (2 %)

Сопоставительный анализ семантики древневерхненемецкого глагола *magan/mugan* и средневерхненемецкого глагола *mugen* показал, что в средневерхненемецкий период данный глагол совсем не встречается в качестве самостоятельного глагола со значением «годиться». Он значительно чаще употребляется в значении возможности, обусловленной внешними обстоятельствами, но не употребляется для выражения разрешения / запрета и сомнения. Следует отметить появление у глагола *mugen* оттенка возможности, обусловленной наличием права. В данный период возникают связывающие контексты, в которых глагол *mugen* приобретает новые для него значения желания и вероятности. В целом глагол *mugen* в средневерхненемецкий период, как и в древневерхненемецкий, несмотря на развитие новых значений, остается основным средством выражения возможности.

В средневерхненемецкий период глагол *mugen* приобретает статус модального, так как он соответствует семантическому, морфологическому и синтаксическому критериям выделения модальных глаголов.

Относительная текстовая частотность глагола *mögen* в течение ранненововерхненемецкого периода значительно уменьшается (с 6,8 до 2,4).

Анализ материала показал, что в большинстве случаев (60 %) данный глагол употребляется для выражения возможности, обусловленной внешними обстоятельствами: *Das mag er auch im Tode behalten / wenn ich sein Blut zur Beute davontrage.* – *W. J. 134, 18* – ‘Он **может** сохранить его (свиное выражение лица) и после смерти, если я возьму в замен его кровь.’

В 22 предложениях (22 %) глагол *mögen* обозначал возможность, обусловленную качествами лица или предмета или его способностями. Ср.: *...lassen fur unnd fur brennen was do brennen mag.* – *Lut. An den Adel. S.15* – ‘...пусть горит все, что **может** гореть.’; *...fchöhnes weyb, die doch frum, güttig vnd keüfch was, das man nicht gedencken möcht, was in beschwert folt haben.* – *Ehebüchlein, I, Kap. 1,* –

‘...красивая женщина, которая была набожна, добра и целомудренна, так что **невозможно** было подумать, что ее что-то должно тяготить.’

Глагол *mögen* в 13 % случаев употребления обозначал также возможность, обусловленную правом или разрешением: *Den was gemeyne ist, mag niemant on der gemeyne willen und befehle an sich nehmen.* – *Lut. An den Adel 8, 36* – ‘Потому, что то, что является общим, никто не **может** (не имеет права) взять себе без разрешения или приказа общины.’

В текстах ранненововерхненемецкого периода глагол *mögen* в отдельных случаях выражал желание (в 5 % случаев): *...ob sie nit mögen auch einen fremden wein... versuchen.* – *Fst. S. 195* – ‘...не **хотят** ли они тоже чужеземного вина... отведают.’ В данном примере отсутствует связывающий контекст, в котором глагол *mögen* употреблялся в средневерхненемецком языке. Новый контекст употребления можно рассматривать как контекст переключения.

Значения средневерхненемецкого глагола *mugen* и ранненововерхненемецкого *mögen* и их процентные соотношения в сопоставительном аспекте представлены в таблице 3.

Таблица 3

Средневерхненемецкий язык mugen	Ранненововерхненемецкий язык mögen
Текстовая частотность – 4,75	Текстовая частотность – 3,6
Желание (4 %)	Желание (5 %)
Возможность, обусловленная внешними обстоятельствами (50 %)	Возможность, обусловленная внешними обстоятельствами (60 %)
Возможность, обусловленная внутренними свойствами субъекта (42 %)	Возможность, обусловленная внутренними свойствами субъекта (22 %)
Возможность, обусловленная наличием права (2 %)	Возможность, обусловленная наличием права, разрешения
Вероятность (2 %)	(13 %)

Изменения, произошедшие в семантике глагола *mögen* в ранненововерхненемецкий период, незначительны: несколько уменьшается частотность употребления данного глагола в значении возможности, обусловленной внутренними свойствами и качествами субъекта, что связано с интенсивным развитием глагола *können* как средства выражения возможности. Модальный глагол *mögen*, один из наиболее частотных глаголов в средневерхненемецком языке, употреблявшийся для выражения возможности, в ранненововерхненемецком постепенно вытесняется глаголом *können*. Это наглядно можно проследить по изменению текстовой частотности глагола *mögen*, которая в текстах XV в. составляет 6,8 случая употребления на 1000 лексических единиц, в текстах XVII в., т. е. в конце исследуемого периода – 2,4, в то время как текстовая частотность глагола *können* увеличивается с 0,2 до 6,8.

Постепенно в процессе дальнейшего развития глагол *tögen* теряет функцию выражения значения возможности и употребляется в значении желательности, которое закрепляется за ним в современном немецком языке.

Таким образом, как показывает анализ процесса развития модального глагола *tögen* в немецком языке, основным механизмом семантических изменений, происходящих в процессе развития претери-

то-презентного глагола в модальный, является поэтапное контекстное переосмысление: на первом этапе происходит расширение круга контекстов, на втором этапе возникает связывающий контекст, третьим этапом является возникновение контекста переключения, в котором лексема выступает только в ее новом самостоятельном значении. Изменения в семантике глагола *tögen* происходят параллельно с увеличением его текстовой частотности.

Список литературы

1. Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. М.: Высш. шк., 1981. 57 с.
2. Bybee J. L. Mechanisms of change in grammaticization: the role of frequency / ed. by B. D. Joseph, R. D. Janda. Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–624.
3. Жукова Н. С., Бабакина Т. Н. Формирование класса модальных глаголов в немецком языке. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2012. 212 с.
4. Жукова Н. С. Языковая избыточность в синхронном и диахронном аспектах (на материале немецкого и русского языков) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 5. (56). С. 35–42.
5. Торсуева И. Г. Контекст // БЭС. Языкознание. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 238–239.
6. Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago: University of Chicago Press, 1991. X, 318 p.
7. Sweetser E. E. Grammaticalization and semantic bleaching // Proceedings of the 14th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on Grammaticalization. Berkeley: University of California, 1988. P. 389–405.
8. Hopper P. J. On some principles of grammaticization // Approaches to grammaticization / ed. by E. C. Traugott, B. Heine. Amsterdam: John Benjamins, 1991. Vol. 1 (Typological Studies in language: Vol. 19). P. 17–37.
9. Heine B. On the role of context in grammaticization // New Reflections on Grammaticalization / ed. by I. Wischer, G. Diewald. Amsterdam: John Benjamins, 2002 (Typological Studies in language: Vol. 49). P. 83–101.
10. Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 398 p.
11. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. С. 5–32.
12. Жукова Н. С., Бабакина Т. Н. О модальной функции претерито-презентных глаголов в древневерхненемецком языке // Язык и культура. 2011. № 1 (13). С. 29–42.

Список источников и принятых сокращений

1. A. H. – Aue, Hartmann von. Der arme Heinrich: Mittelhochdt. Text und Übertragung. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verl., 1981. 135 S.
2. An den Adel – Luther M. An den christlichen Adel deutscher Nation von des christlichen Standes Besserung (1520) // D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe. Bd. 6. Weimar, 1888. S. 404–469.
3. Ehebüchlein – Eyb, Albrecht von. Das Ehebüchlein // Deutsche Schriften des Albrecht von Eyb, Erster Band. Hrsg. Max Herrmann. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1890. LII, 104 S.
4. Fst – Das Volksbuch vom Doktor Faust. Hrsg. und eingel. von Josef Fritz. Halle a. S.: Niemeyer, 1914. 134 S.
5. Jhn., Luk., Mrk. – Die gotische Bibel. Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908. 224 S.
6. N. B. – Notker der Deutsche. Boethius de consolatione philosophiae I, II, III // Notkers des Deutschen Werke. Nach den Handschriften. Neu hrsg. von E. H. Sehrт und Taylor Strack. Bd. I. Heft I. Halle/Saale: Niemeyer, 1933. 136 S.
7. Nib. – Das Nibelungenlied: Zweisprachig. Hrsg. u. übertr. von Helmut de Boor. Leipzig, 1992. 719 S.
8. O. – Otfrids Evangelienbuch. Hg. von O. Erdmann. Tübingen, 1973. 493 S.
9. Prz. – Eschenbach, Wolfram von. Parzival // Wolfram von Eschenbach. Werke. Hrsg. von Karl Lachmann. Berlin: Reimer, 1933. XLIV, 638 S.
10. T. – Tatian. Lateinisch und altddeutsch mit ausführlichem Glossar. Hg. von E. Sievers. Paderborn, 1966. 518 S.
11. W. J. – Weisen Ch. Neue Jugend-Lust. Leipzig, 1684. S. 79–155.
12. W. V. – Vogelweide, Walter von der. Die Lieder. Mittelhochdeutsch und in neuhochdeutscher Prosa. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. 299 S.

Бабакина Т. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: ta_nik@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29.01.2013.

T. N. Babakina

DEVELOPMENT OF THE MODAL VERB MÖGEN IN GERMAN

The article deals with the process of the development of the modal verb mögen in German, based on the materials of Gothic, Old, Middle and Early New High German languages; the text's frequency is calculated, the analysis of the contexts promoting the development of new values is carried out, mechanisms of the semantic changes happening in the development of preterite-present verb into the modal verb are defined.

Keywords: *modal verb, text frequency, context-induced reinterpretation, bridging context, switch context.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: ta_nik@mail.ru